

# Отважный страж котёнок Дарий

Роза Хуснутдинова



Роза Хуснутдинова, с творчеством которой наш читатель хорошо знаком, работает много и плодотворно, пишет сказки, рассказы, сценарии. Публикуется в толстых литературных журналах. В разных издательствах выходят ее книги для детей и для взрослых. В февральском номере нашего журнала была напечатана ее сказка «Ангел-хранитель дома Синицыных». В рассказе, который предлагается читателю на этих страницах, тема дома возникает снова, и снова для дома находится страж и хранитель. Там — старинная картина, здесь — отважный котенок. Но не будем обманываться: настоящие хранители — дети. На них вся надежда, на их незамутненный интерес к зримому наследию предков. Писательница трезво смотрит на наши времена, трезво — но без уныния. Потому что она знает: хранители не подведут

Ася возвращалась с мамой из детского сада домой. Уже подходили к своему подъезду, как вдруг она увидела крошечного котенка, вылезавшего из водосточной трубы дома, стоящего напротив. Двухэтажный особняк, закрытый зеленой сеткой, был обнесен забором, на нем был прибит щит с надписью: «Реставрационные работы. Строй-Инвест».

— Котенок! Какой хорошенький! — воскликнула Ася.

Она подбежала к котенку. Взяла его на руки и вернулась к маме, ожидавшей ее возле открытой двери подъезда.

— Оставь его сейчас же, — строго сказала мама. — Неизвестно, чей он, откуда...

— Как «откуда»? Из этого дома, который ремонтируют.

— Не ремонтируют, а реставрируют, — поправила мама.

— Mam, а какой он породы? — спросила Ася, разглядывая котенка. — Глаза у него синие-синие! Как у тебя!

— Это персидская порода, — сказала мама. — Да оставь же его, идем домой. Нас, наверное, папа заждался.

— Нет, — попятилась от двери Ася. — Котенок будет жить у нас. Вы щеночка мне взять не разрешили? Аквариум не купили? Котенка не отдам. А если не разрешите ему жить у нас, уйду из дома. Буду беспризорницей, их еще по телевизору показывают, они в подвалах живут и на вокзале... И в первый класс осенью не пойду.

— Что за глупости! — рассердилась мама. — Что еще за ультиматумы?

Но Ася не двигалась с места и крепко прижимала котенка к себе.

— Да не прижимай ты его к себе! Он же грязный. Выкупаем в ванной, тогда и прижмешь.

— Ура! — закричала Ася.

Папа не стал возражать, чтобы в квартире поселился котенок.

— Только чтобы не пищал, — сказал он, не отрываясь от журнала «Бизнес и власть». — И приучите его к порядку, чтобы не пачкал всюду, а ходил в туалет.

— Ящик с песочком поставим для него, — кивнула мама.

Кажется, котенок начал ей нравиться.

Ася с мамой выкупали котенка. Он пищал, изворачивался и все пытался царапнуть мамину руку. Но они управились с ним, вытерли пушистым полотенцем и внесли в комнату, положили в кресло.

Котенок смешно таращился и беспрерывно зевал.

— Принеси молока в блюдце, — сказала мама.

Когда котенка ткнули мордочкой в молоко, он сначала возмущенно запищал, а потом попробовал молоко и стал лакать, аппетитно причмокивая.

— Мам, если он персидской породы, давай назовем его как-нибудь по-персидски.

— Не знаю я персидских имен, — покачала головой мама.

— Дарий, — оторвался от журнала папа.

— Кто-кто? — обернулась Ася.

— Персидский царь Дарий, — хмыкнул папа. — С Александром Македонским воевал.

— Царь Дарий! Дарик! — закричала Ася. — Мне нравится!

— А где вы его нашли? — папа закрыл журнал и пересел к ним на диван.

— У дома Глинской, — ответила мама. — Из водосточной трубы вылез. Наверное, от дождя там прятался.

— Мам, почему ты называешь его домом Глинской?

— Потому что когда-то он действительно был домом княгини Глинской, — ответила мама. — Это была дворянская семья, богатая и просвещенная. В дом приходил Пушкин, другие известные люди, в нем устраивались балы, там читали стихи поэты... Это памятник архитектуры, ты видела, наверное, — там и табличка висит. Говорят, потомок Глинских недавно приехал из Франции и дал миллион на реставрацию дома. Он хочет открыть в нем музей Глинских.

— Только надуют потомка, — сказал папа. — Деньги он вложит, а потом там устроят казино.

— Почему ты так говоришь? — возмутилась мама.

— Потому что дом уже поджигали. Хорошо наша старуха Липкина увидела ночью огонь в доме и вызвала пожарных. А так бы все сгорело.

— Случайный пожар. Короткое замыкание...

— Не короткое замыкание, а поджог, — убежденно сказал папа. — Земля здесь на вес золота, вот кому-то и хочется построить культурно-развлекательный комплекс, то бишь бизнес-клуб-ресторан-магазин-казино.

— Это ты в своем журнале вычитал? — рассердилась мама. — По-моему, в нем все время кого-нибудь разоблачают!

— А в вашей библиотеке нет компьютера, — парировал папа.

Тут котенок запищал, мама велела Асе идти спать, и о чем дальше спорили родители, она не слышала.

Ася взяла котенка с собой. Он уютно прилег у нее в ногах, сразу же засопел и уснул. Ася лежала в темноте и представляла себе дом княгини Глинской. Дом стоял освещенный огнями, к нему подъезжали кареты, из них выходили нарядно одетые гости, входили в двери особняка. Из окон звучала музыка.

На следующий день Ася с котенком на руках прогуливалась возле дома Глинской. Закрытый зеленой сеткой, он выглядел совсем неказистым.

Подъехал грузовик, и двое рабочих в оранжевых комбинезонах стали вытаскивать из грузовика тяжелые серые мешки и вносить их в раскрытую парадную дверь.

Ася подошла ближе и заглянула внутрь. Внутри было темно, увидеть ничего не удавалось.

— А что у вас в мешках? — спросила она одного из рабочих, хмурого человека с небритым лицом.

— Цемент, — нехотя ответил тот.

— А вы знаете, что реставрируете дом княгини Глинской? — продолжала Ася. — В этот дом ходил Пушкин, здесь устраивали балы...

— Девочка, не мешай, отойди!

И рабочий резко махнул рукой.

Тут Дарий вырвался из рук Аси и вцепился ему в оранжевую штанину.

— Убери зверюшку! — крикнул человек и нагнулся, чтобы схватить котенка.

Но Ася успела сама отцепить его.

— О, у тебя защитник есть! — засмеялся второй рабочий, более приветливый на вид.

— Да, он мой защитник! Его зовут Дарий. Был такой персидский царь Дарий.

— Значит, твой котенок царских кровей? — улыбнулся рабочий.

— Да. И охраняет дом княгини Глинской, — сказала Ася. — Его предки жили в этом доме. Он будет следить, чтобы дом опять не подожгли.

Рабочие переглянулись.

— Разве вы не знаете, что дом уже поджигали? — спросила Аня.

И с поднятой головой удалилась. Через несколько дней Ася познакомилась с этими

людьми поближе. Один из них, тот, что был поприветливее, рассказал, что он из Крыма, зовут его Богдан. Второй, постарше, назвался Кузьмой, он был из Калининграда. Богдан показал Асе фотографию своей дочки Оксаны, ей было столько же лет, сколько Асе. Ася рассказала, что неподалеку в кафе продают вкусные блинчики с мясом, а в соседнем переулке стоит бочка с квасом, и тетя в халате продает квас кружками.

Богдан и Кузьма поблагодарили Асю за полезные сведения и разрешили войти в особняк, когда она попросила об этом.

Внутри было не так красиво, как Асе представлялось. Повсюду было темно, окна пыльные, тут и там лежали мешки с цементом, инструменты, скребки, у стен стояли лестницы-стремянки, полы были неровные, с выбоинами. В дальней комнатке стены и потолок были даже черными от копоти: наверное, здесь и случился пожар. Понравилась Асе только большая зала с мраморными колоннами, с окнами, закругляющимися кверху, и угловая комната, где было чисто и светло.

— Там не так красиво, как я думала, — сказала Ася маме, когда та укладывала ее спать.

— Где?

— В доме Глинской.

— Ты ходила туда? Одна? — рассердилась мама.

— Не одна, а с Дариком! Он мой защитник. Он даже напал на Кузьму, когда тот сказал: «Отойди, девочка!».

— Какой еще Кузьма? Дмитрий, ты слышал? Она ходит в дом Глинской, где работает неизвестно кто!

— Мам, не волнуйся, Богдан веселый, он раньше жил у моря и ловил рыбу, он хочет заработать себе на домик, а Кузьма работал на заводе, но завод сгорел, и Кузьма остался без работы.

— По-моему, ничего страшного не случилось! — пробурчал папа, не отрываясь от журнала «Профиль», который он тоже любил читать.

— Мне бы твои нервы! — сказала мама. — По телевизору показывают всякие ужасы, детей похищают, дети пропадают, а ты так спокоен!

— Ася — умная девочка, — успокоил ее папа. — И у нее есть защитник, тигр Дарий.

— Да, — засмеялась Ася. — Дарик смелый как тигр! Дарик! Дарик!

И она схватила котенка на руки и закужилась с ним по комнате.

— Знаю я этих Кузьму и Богдана, — помолчав, сказал папа. — Вполне нормальные люди, приехали работать. Ходил я этот особняк.

— Зачем? — удивилась мама.

— Ну, может, найдется материал для газеты, — от-

ветил папа. — Правда, кто-то уже копает, пишет об этом...

Он ткнул пальцем в страницу журнала и прочел:

— Вот. «Французский подданный, Мишель Глинский, потомок известной дворянской фамилии, в очередной раз приехал в Москву, чтобы посмотреть, как продвигаются работы по реставрации особняка его прапрапрабабушки...» Ну, думаю, он не очень обрадуется, ведь воз и ныне там.

— Что значит «воз и ныне там»? — встрепенулась Ася.

— Это значит — дело не движется, — объяснила мама. — Все-таки, Ася, играй лучше с Леной Потаповой во дворе. Ходить в дом, где ремонт, опасно.

— Он не ремонтируется, а реставрируется, — поправила Ася.

Мама рассмеялась и прижала ее к себе.

— Запомнила, умница!

В особняке работали не каждый день. Иногда оттуда не доносилось ни звука. Богдан и Кузьма работали «на другом объекте», как они говорили Асе.

Как-то, когда Лена Потапова с третьего этажа не вышла, как обещала, гулять во двор, Ася с котенком на руках пробралась в особняк с черного хода, в дверь, которая была закрыта на проволоку, ее легко можно было раскрутить. Ася прошла по пустынным комнатам, покружилась по зале, представила, как Пушкин стоит у окна и читает: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя...»

Вдруг где-то рядом раздался скрип отворяемой двери, и спустя несколько секунд в залу вошел высокий светловолосый человек в белом свитере и джинсах. Под мышкой он держал большую папку.

Человек увидел Асю и удивился.

— Мадемузель? — сказал он приятным мягким голосом.

Вслед за ним в залу вошел запыхавшийся прораб Леонтьев в плаще. Ася знала его, Леонтьев иногда приезжал давать задания Богдану и Кузьме.

— Ты что здесь делаешь? — накинулся он на Асю. — Как ты сюда вошла?

— Я смотрю, как реставрируется дом, — ответила Ася. — Воз и ныне там!

Светловолосый человек рассмеялся.

— Мадемуазель совершенно права!

Он подошел к Асе и поклонился:

— Мишель Глинский!

— Ася! — Ася присела так, как показывала ей Лена Потапова, когда они играли во фрейлин.

— Мы работаем, работаем! — закричал прораб Леонтьев. — Только, Михаил Александрович, затраты-то растут! Фасад укрепили, но теперь, оказывается, задняя стена покосилась, надо переключивать.

— Но ведь сметы были утверждены в прошлом году! И я перечислил в «Строй-Инвест» миллион! — повысил голос Мишель Глинский. — И потом... здесь никого нет! Никто не работает!

— Наверное, вас хотят надуть, — задумчиво произнесла Ася. — Вы потратили деньги, а потом здесь открывают казино.

— Казино? — ужаснулся Мишель Глинский. — Но почему?

— Да не слушайте вы ее, девочка сама не знает, что говорит, все врет! — закричал Леонтьев и так сверкнул на Асю глазами, что она попятилась. — Иди отсюда, девочка, посторонним здесь не место!

— Вы у моего папы спросите! — Ася направилась к двери. — Он вам расскажет, почему.

Глинский двинулся за ней

— Где ты живешь, Ася? Я хочу поговорить с твоим папой!

— В доме напротив, в седьмой квартире, — сказала Ася и заторопилась, услышав во дворе мамин голос.

— Где была? Опять ходила в дом Глинской? — накинулась на нее мама.

Тут из парадной двери особняка показался Мишель Глинский, за ним рысцой бежал прораб Леонтьев.

— Мадам, — подошел Мишель Глинский к Асиной маме. — Это ваша дочь? Она прелестна. Я — Мишель Глинский.

И он поклонился маме.

— Моя прапрапрабабушка жила в этом доме. Дом когда-то был очень красивым. Хотите взглянуть?

И он развернул папку, которую с собой принес. Внутри лежала картина, на ней был изображен снежный переулочек в вечерний час, дом Глинской, темно-синий, с оранжевыми окнами, возле дома стояли кареты, из них выходили нарядно одетые гости, по переулочку шли прохожие в длинных шубах, в синем воздухе кружились снежинки.

— Чудесно! — воскликнула мама.

— Нравится? — спросил Мишель Глинский. — Эту картину написал друг нашей семьи, эмигрант первой

волны. Я привез картину сюда, чтобы показать реставраторам, каким дом был прежде.

— А где же Пушкин? — спросила Ася, разглядывая картину.

— Пушкин? — удивился Мишель Глинский.

— Мама говорила, что Пушкин тоже ходил в этот дом в гости.

— Вы знаете историю нашего дома? — повернулся Мишель к Асиной маме.

— Мама работает в библиотеке, там много книг о Москве, там выставка устраивалась, «Москва старинная»! — выпалила Ася.

— Очень, очень рад знакомству, — снова поклонился Мишель Глинский.

— Мы живем здесь, — показала мама на свой подъезд. — Зайдете к нам?

— Благодарю. Сейчас я должен ехать на Тверскую, в Мос-со-вет! — по слогам произнес Мишель Глинский. — Но я вернусь сюда с генеральным директором «Строй-Инвеста». Хочу показать ему, что воз и ныне там, как верно заметила ваша дочь. Надеюсь познакомиться с Асиным папой. До свидания!

И он повернулся, чтобы идти к машине вслед за Леонтьевым, который изнывал в ожидании конца разговора и бубнил: «Пора, пора, Михаил Александрович!».

Вдруг Мишель Глинский остановился, лицо у него было смущенное.

— Могу я оставить картину у вас? — спросил он. — На время. Я ведь еще заеду сюда...

Ася подпрыгнула:

— Картина повисит у нас? Вот здорово! Я тоже нарисую картину!

Мишель и Асина мама рассмеялись.

Мишель передал папку с картиной маме и зашагал к машине. Ася с мамой отправились домой. Там они повесили картину на самом видном месте. Картина смотрелась просто прекрасно.

— Зимой я тоже нарисую переулочек, — сказала Ася. — Чтобы снежинки кружились. Жаль, что лошади сейчас не ходят по улицам. Одни машины ездят.

— Что за картина? — удивился папа, вернувшись вечером домой. — Ба, да это дом Глинской! А я разузнал кое-что про этот «Строй-Инвест». Они, конечно, что-то реставрируют, но очень медленно, годами. И на их объектах уже случались пожары. Подозрительно. Их генеральный директор — один из акционеров

агентства недвижимости с названием «Московский рай». Как вам это нравится? «Московский рай» владеет сетью ресторанов, закусочных, казино в центре города, как я и предполагал. Хозяин агентства — Глотов...

— Глотов — потому что глотает? — спросила Ася.

— У ребенка определенно лингвистические способности! — засмеялся папа. — Именно глотает! Наверное, и деньги Глинского проглотил. Работы-то не ведутся, одна видимость. Эти Богдан и Кузьма появляются изредка, а больше никого нет. А какие из них реставраторы? Каменщики, штукатуры, ну, может, укладчики, маляры, но ведь не реставраторы.

— Дмитрий, уймись, — остановила его мама. — Откуда нам знать, что там происходит?

— Да чувю я, чувю, что дело нечисто! Увидите, скоро случится пожар. Тем более, что инвестор Глинский явился с проверкой нехстати. И в конце концов построят на месте дома Глинской сияющее огнями днем и ночью ка-зи-но!

— Не хочу казино! — закричала Ася. — Брат Леночки Потаповой деньги, которые ему дали на учебники, проиграл в булочной, там стоял автомат, и он опускал в него монеты. Его мама так ругалась, кричала в булочной: «Зачем вы поставили здесь этого однорукого бандита?»

— В доме Глинской даже сторожа нет, — задумчиво произнесла мама.

— Я буду сторожем в доме Глинской! — сказала Ася. — Вместе с Дариком!

Мама и папа рассмеялись. А потом сели ужинать, мама приготовила жареные кабачки в сметане, любимое летнее блюдо.

Родители думали, что Ася пошутила. Но она действительно решила приглядывать за домом. Ей очень хотелось, чтобы дом княгини Глинской восстановили, и именно в том виде, как он выглядел на картине. К тому же ей понравился симпатичный вежливый Мишель Глинский. Хотелось, чтобы его, как выразился папа, не надули.

В папином журнале нашлась фотография Глотова. Папа показывал ее маме и рассказывал, что один журналист уже написал статью про этого хамелеона: выступая по телевизору, говорит о благе города, а сам в это время сносит старинные дома и строит на их месте рестораны. Глотов на фотографии выглядел как кабанчик — маленький, толстый, со свирепым взглядом.

— Запоминай, Дарик! — показала Ася котенку фотографию Глотова. — Это хитрый человек. Если появится здесь, значит, случится что-то нехорошее. Как увидишь его, сразу мяукай. «И днем, и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом». А ты, Дарик, у меня ученый!

Ученый, ученый!

И Ася стала теревить котенка, сжимать его в объятиях, подкидывать вверх и ловить. Дарик пищал, вырывался, но не царапался: он признавал Асю своей подружкой. И, как ей казалось, все понимал.

Ася посвятила в свои планы Лену Потапову, рассказала ей, что происходит с домом Глинской. Лена тоже обещала присматривать за домом.

Очень понравилась Лене картина.

— Жаль, что Пушкина художник не нарисовал, — посетовала Ася.

— Ну, Пушкина можно добавить, — сказала Лена.

— Как? Нарисовать самим на картине?

— Нет, рисовать не будем. У меня есть тетрадка, на обложке ее Пушкин, когда он был совсем маленьким. Можно вырезать рисунок и приклеить на раму картины, как будто Пушкин идет в дом Глинской, но еще не дошел.

— Здорово! — восхитилась Ася. — Неси тетрадку.

Маленького Пушкина вырезали из обложки и благополучно приклеили к раме картины.

Ася попросила, чтобы картину повесили в ее комнате. Теперь, засыпая по вечерам, она иногда поглядывала на картину и видела, что Пушкин слегка сдвигается в сторону дома Глинской. Но потом Ася убеждалась, что ей это только кажется.

Однажды они с Леной Потаповой, пробравшись в особняк, прошлись по комнатам, станцевали мазурку, которой Лена научилась в хореографическом кружке.

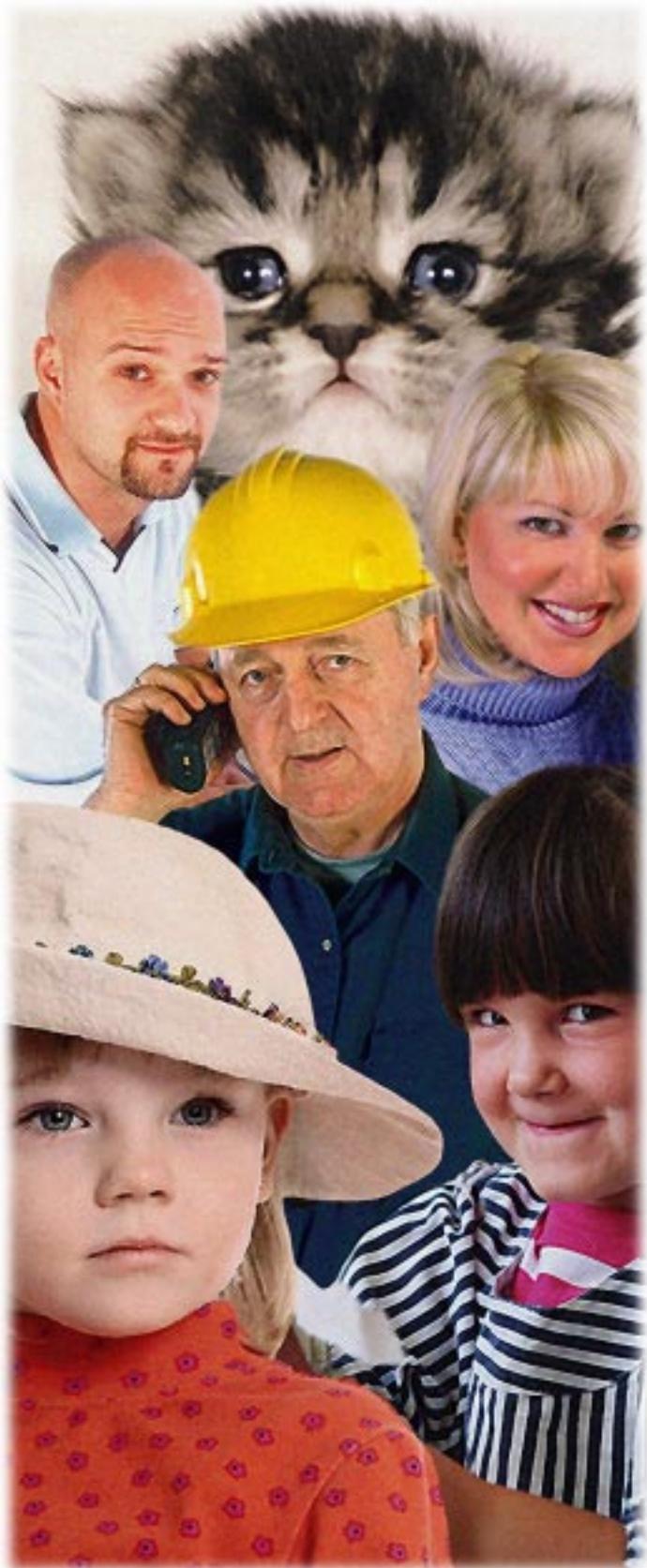
Вдруг они услышали голоса, скрежет ключа, поворачиваемого в двери. Девочки спрятались за мешки с цементом, наваленные в углу комнаты.

В залу вошли Богдан и Кузьма.

Ася хотела было выйти и поздороваться с ними, но что-то в их голосах остановило ее. Она крепко вцепилась в рукав Лены Потаповой, показывая, чтобы и та вела себя тихо, не выдавая себя.

Богдан вынул из шкафчика какую-то хозяйственную сумку и сказал:

— Всё. Ухожу. Не буду я делать того, что Леонтьев велит, греха на душу не возьму. Он обещает пятьдесят тысяч, говорит: хватит тебе на дом. Но я не хочу. Пойду к частникам квар-



тиры ремонтировать.

— Я тоже уйду, — буркнул Кузьма. — И мне он пятьдесят тысяч сулил. Насыпь стружек, говорит, поставь рядом бутылку с бензином, чиркни спичкой и уходи... Разве это люди? Что он, что хозяин его Глов. Ничего, не пропадем, работы хватит... А Миша-то Глинский какой наивный! Всё верит им! Дом прапрапрабабушки хочет восстановить! Вот ты, Богдан, о своей прапрапрабабушке знаешь? Хоть что-нибудь? Нет? Вот и я о своей ничего не знаю. А может, надо знать? Как Миша Глинский?

— Да, добротный дом, двести лет простоял, жалко будет, если сожгут, — вздохнул Богдан.

Оба, собрав вещи, направились к выходу. По переулку гулко простучали их ботинки, и все смолкло.

— Лен, поняла? — выдохнула Ася. Глаза у нее стали круглыми от негодования. — Значит, этот Леонтьев уговаривал их поджечь дом? А они не согласились. Теперь он будет искать кого-нибудь другого.

— Будем следить! — твердо сказала Лена Потапова. — Я и папе скажу. У нас дома огнетушитель есть, папа его для дачи купил, может понадобится.

Девочки выбрались через черный ход на улицу, разошлись по домам, договорившись созваниваться при первом тревожном сигнале. Или перестукиваться по батарее: три стука — значит, тревога.

Ася решила ночью не спать. Котенку Дарию она устроила из старого папиного шарфа мягкую постельку на подоконнике и наказала ему:

— Дарик! Следи за переулком! Если увидишь что-то подозрительное, мяукай, я проснусь, понял?

Дарик мяукнул в знак согласия.

Ася быстро заснула. Но вскоре проснулась. Свет уличного фонаря падал прямо на картину, висящую на стене напротив кровати. Ася увидела, что приклеенный к раме Пушкин слегка покачивается. То ли слегка отклеился и сквозняк раскачивает его, то ли что-то другое.

— Пушкин волнуется, — прошептала Ася. И тут мяукнул Дарик.

Ася вскочила и подбежала к окну. Дом Глинской был отчетливо виден в свете яркого уличного фонаря, стоящего напротив парадной двери.

По переулку бесшумно двигалась черная

машина. Вот остановилась у дома Глинской, и из машины вышел прораб Леонтьев в своем сером плаще. Потом вылез какой-то человечек в кепке.

Леонтьев открыл ключом дверь дома и впустил туда человечка. Что-то сказал ему, потом махнул рукой, повернулся, сел в машину и уехал.

— Зачем Леонтьев привез кого-то? Ночью... — прошептала Ася. — Может, разбудить папу?

Но решила немножко подождать.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять в дальнем окошке дома Глинской что-то засветилось, вспыхнуло, погасло, вспыхнуло опять.

— Папа! Папа! — закричала Ася и побежала в комнату родителей. — Пожар! Дом Глинской горит!

Папа вскочил, выглянул в окно, увидел огонь в доме Глинской и, как был в майке и трусах, побежал на улицу, крикнув маме:

— Звони пожарным!

Мама бросилась к телефону. Ася вспомнила про Лену Потапову и трижды постучала ложкой по батарее. Через минуту из подъезда выбежал и папа Лены Потаповой с огнетушителем в руках.

Оба мужчины, Асин папа и папа Лены Потаповой, выбили парадную дверь дома Глинской и исчезли внутри. Раздались крики, шипение огнетушителя, чей-то вопль и голос Асиного папы:

— Ах ты, негодяй!

Скоро с разрывающим ночную тишину воем sireны в переулок въехала пожарная машина, из нее выскочили пожарные и исчезли в доме.

Огонь в окнах дома Глинской стал слабеть, исчез совсем.

— Потушили! Потушили! — закричала, запрыгала Ася, подбежала к маме и обняла ее.

— Это Дарик мяукнул! — радовалась она. — Дарик — настоящий сторож!

Потом подъехала и милицейская машина. Асин папа сдал милиционерам человечка в кепке. Человечек признался, что ему велел устроить пожар в доме Глинской прораб Леонтьев, обещал заплатить за это большие деньги. На другой день вызвали на допрос Леонтьева, и он рассказал журналистам про «Строй-Инвест» и про Глотова. Обо всем этом написали в газете, правда, не Асин папа, а другой журналист, который уже давно вел расследование.

Мишель Глинский был потрясен случившимся, горячо благодарил Асю и ее родителей за то, что они предотвратили гибель дома его прапрапрабабушки. Он пришел в гости с букетом цветов, с подарками. Асин папа угощал его французским коньяком. Мишель попробовал коньяк и сказал, что прилетит из Франции на-

стоящий французский коньяк, а этот — подделка. Папа очень расстроился, но Мишель так хвалил Москву, которую увидел в этот свой приезд, хвалил музей изобразительных искусств, Чистые пруды, театр «Современник», что папа забыл про свою обиду. Мишель Глинский и Асиной маме сказал много приятных слов, уверял, что она могла бы быть актрисой. Он пообещал прислать для маминой библиотеки компьютер последней модели, чтобы данные о книгах хранились в нем, а не на пыльных желтых листочках. Мама такому подарку обрадовалась.

В доме Глинских закипела работа, появились рабочие, которых по утрам привозили на машинах, а вечером отвозили. У дверей днем и ночью дежурили охранники. Мишель Глинский перечислил еще один миллион на реставрацию дома и ожидал, что работы через год закончатся.

Из Парижа он прислал Асе и ее родителям письмо и фотографию, на которой он был снят на фоне замка, рядом с ним стояла белокурая девочка Асиных лет и держала на руках черного косматого котенка. Мишель написал, что это его дочь Мари, которая говорит по-русски, и ее котенок Кощей.

Мишель спрашивал в письме, не хотят ли Ася и ее родители приехать в гости в Париж, он был бы очень рад, и Мари тоже. «Привет Дарику от Кощей», — заканчивал он свое письмо.

— Поедем! Поедем! — захлопала в ладоши Ася.

— Ну что же, может, когда-нибудь и поедем, — сказала мама. — Бог даст, поедем!

А папа вздохнул и сказал, что если его газету не закроют и он не останется без работы, может, и вправду удастся поехать а Париж.

Иногда папа расспрашивал Асю, как она в ту ночь почувствовала, что может случиться пожар, и вовремя проснулась.

— Пушкин помог, — отвечала Ася. И с улыбкой смотрела на картину, которую оставил им Мишель Глинский. На раме ее можно было углядеть Пушкина, когда он был совсем маленьким.

Как будто он сейчас тронется с места и пойдет по переулку к дому Глинской.